

Manchester, Laurie. Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia. Northern Illinois University press, De Kalb, Illinois, 2008. 11 illus. 2 tabl. ISBN 978-0-87580-380-7.

Американский историк Л.Манчестер (Laurie Manchester) в настоящее время преподает историю Советского Союза и Российской империи в университете штата Аризона. Исследовательница поставила целью своей работы изучение коллективного сознания особой группы в составе российской интеллигенции предреволюционной поры – поповичей (сыновей священников). Монография состоит из введения, семи глав и заключения.

Во введении автор дает общую характеристику темы своего исследования, объясняет, почему правомерен выбор сыновей священников в качестве отдельной группы внутри российского общества. Она упоминает об особом коллективном сознании поповичей, которые противопоставляли себя дворянам, считая себя подлинными выразителями национальной культуры. Они были носителями особой "клерикальной культуры". В своем исследовании Л.Манчестер опирается на источники личного происхождения – дневники, автобиографии и письма поповичей. Автор сообщает о том, что ей удалось выявить 207 поповичей из 39 губерний, для этого она работала в одиннадцати различных архивах.

В первой главе сделана попытка проследить истоки формирования такой специфической группы, какой оказались поповичи к началу XX века. Историк обращается к состоянию приходского духовенства в России. Начинает она с негативного образа священника, который присутствует у писателей, художников и мемуаристов из разных сословий (от дворян до рабочих), а также в традиционной народной культуре (в пословицах и фольклоре). Автор отмечает, что духовенство в Синодальный период было отделено от остального общества: по одежде, по образованию, по происхождению. Особую роль, как считает Л.Манчестер, играла система сословного образования: российские православные священники были более образованными, чем священники остальных православных государств, и тем более, чем другие сословия Российской империи, кроме дворянства. Другим определяющим фактором была близость сельского духовенства к народу (надо заметить, что на протяжении своей книги автор говорит преимущественно о сельском духовенстве). А поповичи гордились своим происхождением "из народа", полагая, что именно они лучше, чем дворяне, понимают нужды "мужика". Л.Манчестер показывает, что предубеждением против духовенства, а соответственно и против выходцев из этого сословия, поповичей, были заражены русская радикальная интеллигенция (народники, марксисты), дворяне-помещики (не исключая и славянофилов), чиновники, происходившие из дворян. И лишь на рубеже XIX–XX вв. их стали воспринимать как часть интеллигенции.

Во второй главе Л.Манчестер утверждает, что даже после того, как сыновья священников покидали духовное сословие, они связывали свой образ жизни с жизнью приходского духовенства. Они предпочитали, чтобы их называли не "разночинцами", а "поповичами". Они знали о предубеждениях в обществе против них, поэтому старались держаться вместе, чувствовали ответственность друг за друга. В своей жизни, считает автор, основываясь на анализе автобиографий, они руководствовались принципами "мирского аскетизма" (добрые дела и внутренняя работа над собой). Остальная часть главы

основывается большей частью на учебном пособии И.Е.Халколиванова "Нравственное богословие" с привлечением автобиографий и писем представителей духовенства. Исследовательница выявляет отношение последних к другим сословиям Российской империи. К дворянам было негативное отношение, т.к. они считались богатыми, развращенными, неспособными к труду, оскорбляющими духовенство. Также дворяне обвинялись в увлечении всем иностранным, западным, чуждым народу. Л.Манчестер также показывает, что у поповичей (в большей степени, чем у их отцов, священников) в их автобиографиях можно проследить неприязненное отношение к дворянству. Они описывали глупых и необразованных дворян, отвергали всю "дворянскую" культуру. Автор (напомним, на основе только источников со стороны поповичей) делает вывод, что поповичи нисколько не стремились попасть в дворянское сословие, они сами его отвергали. Отношение к интеллигенции в среде поповичей было более сложным. Они разделяли ее на два типа: "аристократическую" и "народную". К последнему типу относились они сами, хотя не исключали, что некоторые дворяне могли также входить в состав "народной" интеллигенции. Отношение к крестьянам было самым положительным. В своих автобиографиях поповичи подчеркивали сходства между бытом приходского священника и крестьянина. Они критиковали крестьян за невежество и необразованность, но это же служило оправданием грехов крестьянина. Поповичи видели себя в качестве лидеров, способных вести за собой крестьян, таким образом, служить народу. Реже всего в исследованных автобиографиях упоминалось о купцах и других горожанах, замечает Л.Манчестер. Чаще всего им приписывались следующие грехи: чревоугодие, жадность, бесчеловечность, необразованность, несправедливость.

В третьей главе в основном по пособию Халколиванова, а также по другим трудам по пастырскому богословию излагается идеальная модель поведения священника. Священник не должен проводить границы между частной и общественной жизнью, его семья должна служить примером для всех прихожан. В семье главную роль играл отец, он должен воспитывать детей своим примером, хотя мать всегда являлась первым учителем ребенка. Сами священники должны быть совершенными не только в нравственном смысле, но и, например, хорошо разбираться и в религиозной, и в светской литературе. Миссию священника многие считали важнее всех других профессий (этот вывод автор делает в частности после анализа архива Д.Мамина-Сибиряка, отец которого был священником). Л.Манчестер приходит к заключению, что существуют два типа "идеального" приходского священника: 1) тот, кто полностью отдает себя духовному; 2) приверженец морали и светского образования. Последний тип она называет "протоинтеллигент".

В следующих главах (4-7) автор рассматривает собственно жизненный путь поповичей. В четвертой главе говорится о детстве. Во всех автобиографиях поповичи описывают свое детство как "рай на земле". Именно в детстве были заложены основные ориентиры, которыми впоследствии руководствовались поповичи. Например, считает историк, они стремились заменить "дворянскую" культуру традиционными ценностями, присущими семьям духовенства. Л.Манчестер сравнивает описание детства в автобиографиях дворян и поповичей и приходит к выводу, что они различны. У дворян детство – беззаботный период безделья и развлечений. Традиционно няня занимает в жизни ребенка-дворянина большее место, чем мать. Поповичи же вспоминают о постоянном физическом труде как о неотъемлемой части их детства. Роль няни очень незначительна (если няня была), зато решающую роль в воспитании ребенка играет мать. И, наконец, сыновья священников уравнивали понятия родной деревни и родины, они связывали любовь к родной природе с любовью к родине.

Пятая глава рассказывает об образовании поповичей, подробно исследуются особенности семинарского обучения. Семинария учила критическому мышлению, однако семинарская программа была схоластической, теоретической по сравнению с программой гимназий. Важным фактом было то, что, начиная обучение в семинарии, поповичи впервые сталкивались со светским миром, т.к. им приходилось снимать квартиру, жить в городе без родителей. Телесные наказания в семинарии – самая характерная черта, зафиксированная во всех автобиографиях поповичей. Это было самым главным впечатлением, которое, как считает автор, впоследствии переосмысливалось как "сострадание" со Христом. Как символически обобщает исследовательница, если дом для поповичей символизировал рай, то семинария – ад. Однако именно семинария формировала коллективное сознание поповичей, она порождала товарищество. Семинаристы, пишет историк, осознавали себя жертвой общественной несправедливости. Наконец, Л.Манчестер отмечает, что большинство поповичей оставались православными. Атеистами же становились после выхода из духовного сословия или в семинарии, но никогда – дома. Таким образом, автор делает вывод, что именно с семинарии начиналась самостоятельная жизнь поповичей как личностей.

В главе шестой присутствует анализ различных причин и способов выхода из духовного сословия. Прежде всего, поповичу требовалось благословение родителей, если он хотел перейти из семинарии в другое учебное заведение. И автор делает вывод, что большинство родителей давали свое согласие. Здесь Л.Манчестер находит параллель с житиями святых: чаще мать, чем отец, была против выхода ребенка из духовного сословия в поисках лучшей жизни (как в житиях мать обычно против пострижения в монахи своего ребенка). Причины выхода из духовного сословия могли быть двоякого рода. Во-первых, одни поповичи могли осознавать, что жизнь духовенства не так идеальна, как мир их детства, наоборот, она наполнена бедностью, страданиями и т.д. Во-вторых, другие могли считать себя неспособными реализовать высокий идеал приходского священника, как они его себе представляли. Далее автор анализирует набор профессий, которые избирали поповичи, выходя из духовного сословия. Она приходит к выводу, что все эти профессии так или иначе были связаны со служением, т.е. поповичи никогда не отказывались от высокого идеала, заложенного их духовным воспитанием. Чаще всего они становились учителями, профессорами университетов (особенно много поповичей было на историко-филологических отделениях), врачами, чиновниками. Хотя карьера чиновника была наименее желательной. Однако более неприемлемой была карьера в сфере торговли, поскольку чиновники хотя бы служили государству (т.е. вписывались в вышеозначенный идеал служения), а купцы служили лишь самим себе. Таким образом, автор показывает этой главой, что поповичи, как и их отцы, священники, связывали свое собственное спасение с задачей морального лидерства, с ответственностью за мир. Л.Манчестер делает смелый вывод, что в светской культуре до прихода в нее поповичей не было такого идеала служения и ответственности.

В седьмой главе автор рассматривает способы осуществления этого идеала спасения в мирской деятельности, о котором было сказано в конце предыдущей главы. Конечно, идеал служения обществу, специально оговаривает исследовательница, имел свои корни и в романтизме, который был привнесен дворянской культурой. Однако именно Православная Церковь и церковные писатели разработали этику этого служения, целью которого было спасти Россию. В данной главе Л.Манчестер в большей степени опирается на дневники поповичей, как наиболее полно отражающие их внутренний мир. Она утверждает, что поповичи секуляризировали церковный идеал спасения, превратив его в "мирское спасение". Они относились к своей профессии как к сакральному занятию, как к своей миссии. Подобного отношения к светским профессиям не было до тех пор, пока ими не стали заниматься поповичи – таков вывод автора. Поповичи так были преданы

своему делу, что отрицали удовольствия, вели аскетический образ жизни, многие не женились. Они активно участвовали в политике, но отказывались связывать себя с какими-либо партиями. Поскольку они ассоциировали себя с крестьянством, с народом, то наибольший вклад поповичи внесли именно в народническое движение. Даже для тех из них, которые становились радикальными революционерами и атеистами, их политические убеждения были своеобразной верой, исполнение своей священной миссии они видели в революции. Третьей сферой (кроме профессиональной деятельности и политики), в которой поповичи искали "мирское спасение", была семейная жизнь. Поповичи идеализировали брак и любовь. Они пытались найти в своих избранницах идеал жены, преданной и во всем повинующейся им женщины, которую необходимо вести по пути спасения. На этом третьем пути поповичи наиболее часто сталкивались с разочарованиями. Итак, обозначив эти три пути "мирского спасения", в конце главы исследовательница задается вопросом, что же стало с культурой и самосознанием поповичей после революции. На примере этнографа Д.К.Зеленина (выходца из духовного сословия, выпускника семинарии) (1878–1954) автор показывает, что идеалы ученого и советского академика совпадают с идеалами поповичей. Зеленин вел аскетический образ жизни, никогда не был женат, был предан своему делу, никогда не отрекался от православия. И Л.Манчестер делает оригинальный, хотя и спорный вывод о том, что после 1917 года тот альтернативный идеал интеллигенции, который представляли собой поповичи, продолжал существовать, его хранили ученые, профессора, академики, т.е. представители именно той профессии, которую сыновья священников наиболее часто избирали до революции. Эти люди были так же, как некогда поповичи, преданы своему делу, считали себя мучениками и представителями особой культурной традиции, находящейся под угрозой.

В заключении Л.Манчестер еще раз напоминает об основных выводах своей работы. Она говорит, что поповичи были представителями альтернативной культуры образованного российского общества, противоположной дворянской культуре. Она была по сути антиаристократична в своем стремлении выразить русскую национальную культуру. Ей были присущи морализм, традиционные ценности, акцент на противостоянии традиционного и современного. Однако самосознание поповичей являлось именно "новым" типом самосознания, т.к. они были самостоятельны в своем мышлении и выборе своей судьбы. Наконец, автор отмечает, что вся ее книга доказывает недостатки теории, выводившей коммунизм из русского Православия.

Таким образом, работа Лори Манчестер является интересным исследованием практически незатронутой историками и культурологами темы. Книга написана живо и интересно, доступным и понятным языком. Рассуждения и выводы отличаются стройностью и логичностью. Однако Л.Манчестер строит свое исследование на источниках личного происхождения, причем в основном тех, которые исходят из круга самих поповичей, поэтому она находится под сильным влиянием своих источников. В ряде случаев такой подход оправдан, ведь исследовательница поставила своей целью изучить самосознание поповичей. Однако в других случаях (при выяснении роли поповичей в российском обществе особенно) чрезмерное доверие источникам личного происхождения приводит к одностороннему описанию ситуации. Поэтому некоторые выводы кажутся недостаточно убедительными: например, слишком резкое выделение поповичей в особую группу внутри интеллигенции, во всем противостоящую дворянству (так и не проясненным остается вопрос об отличии "поповичей" и "разночинцев"), о преемственности самосознания поповичей и ученых-академиков в СССР. Книга не вполне лишена некоторых неточностей, например, исключительно поповичам приписываются те черты, которые были присущи русской интеллигенции или даже всему русскому народу (яркий пример – связь между любовью к природе и любовью к родине). Можно сказать, что автору

приходится жертвовать некоторыми деталями и противоречиями, чтобы не нарушить стройность создаваемой картины. Тем не менее книга Л.Манчестер является ценным исследованием, которое может заинтересовать историков, изучающих отечественную историю XIX–XX вв., историю Церкви, а также историков ментальности и культурологов.

Н.Таканова, студентка кафедры истории Церкви